

A cinematic photograph of an old, dimly lit cathedral interior. In the foreground, a woman with curly hair, wearing a long, light-colored dress, stands looking up towards the ceiling. In the background, a man in blue overalls stands on a wooden scaffolding, painting a mural on the wall. Sunlight streams in from a high opening at the top, creating a dramatic, hazy atmosphere. The walls are covered in peeling paint and ancient frescoes.

Узнай меня по тишине

Валерия Хасанова

Валерия Хасанова

Узнай меня по тишине

«Автор»

2026

Хасанова В. А.

Узнай меня по тишине / В. А. Хасанова — «Автор», 2026

Анна всегда знала, когда нужно уйти. Военный фотограф, десять лет в горячих точках — она научилась не привязываться. Камера была её щитом. До момента, когда в объективе появился Марк. Марк реставрирует старые фрески. Тратит на это годы, деньги, силы. Говорит мало, делает много. И молчит так, что в этом молчании слышно всё. Они встретились в полуразрушенной церкви у моря. Анна должна была уехать через две недели. Не уехала. А потом случилось то, что разделило её жизнь на «до» и «после». В один день всё, что она знала о себе, о Марке, об их общей истории, исчезло. Осталось только смутное чувство, которому она не могла найти объяснения. Марк приносит ей книгу, которую написал, пока она была без сознания. И читает вслух. Каждый день. Но можно ли полюбить заново человека, которого не помнишь? И можно ли построить будущее на чужом прошлом? История о том, что любовь — это не память. Любовь — это выбор. Даже когда всё остальное стёрто.

© Хасанова В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Валерия Хасанова

Узнай меня по тишине

Глава

Узнай меня по тишине

Эпиграф:

«Самая трудная вещь — не говорить, а молчать вместе»

— Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1. Анна. Ровинь. Начало.

Отец ушёл, когда мне было двенадцать. Мама сказала: он любил слишком громко, а потом просто взял и взорвался. Я не поняла тогда, что она имела в виду. Поняла позже — когда сама научилась любить тихо и бояться громкого.

С тех пор я держу дистанцию. Камера помогает — я смотрю на мир через объектив, а не вживую. Можно запечатлеть чужую боль, чужую радость, чужую жизнь и остаться в безопасности. Как за стеклом. Как за толстым слоем плёнки.

За десять лет работы военным фотографом я ни разу не пожалела об этом правиле. До встречи с Марком.

Я выросла в доме, где всё было либо слишком громко, либо слишком тихо. Мама плакала по ночам, когда думала, что я сплю. Днём она улыбалась соседям и продавцам в магазине, но дома от её улыбки ничего не оставалось. Она становилась серой, плоской, как старая фотография, выцветшая на солнце.

В пятнадцать я купила свой первый фотоаппарат — дешёвый, пластиковый, на батарейках. Я снимала всё подряд: маму, которая варит суп, маму, которая читает книгу, маму, которая просто сидит на кухне и смотрит в одну точку. Через объектив она казалась другой — не той, которую я знала. Более живой, что ли. Или менее. Я так и не поняла.

Потом я снимала войну. Сначала в командировках, потом постоянно. Я видела разрушенные дома, разбитые дороги, людей, которые потеряли всё и при этом улыбались. Я не плакала на съёмках. Я научилась отключать чувства, когда нажимаю на спуск. Это единственный способ не сойти с ума — сделать из себя инструмент. Бесчувственный. Точный. Холодный.

Я думала, что так и буду жить. Что камера — моя единственная любовь, а война — моя единственная правда. Но жизнь любит доказывать обратное.

Адриатическое побережье встретило меня жарой и запахом рыбы. Городок назывался Ровинь — узкие улочки, разноцветные дома, туристы с мороженым, старухи с кошками и вечным недовольством на лицах. Я сняла комнату у местной старушки за сорок евро в сутки. Она говорила только на хорватском и показывала жестами, где включать воду. Я кивала и делала вид, что понимаю.

На следующее утро я взяла камеру и пошла искать церковь. Не ту, что в путеводителях, а ту, о которой никто не пишет. Я всегда искала такие места — где время остановилось, где стены помнят больше, чем люди.

Я нашла её на краю города, у самого обрыва. Местные называли её «Санта-Мария-делла-Рокка». Когда-то она стояла над морем, но земля постепенно сползала вниз. Теперь здание крепилось вбок, и внутри пахло известкой, сыростью и старой пылью. Такой запах бывает только в зданиях, где никто не живёт, но где кто-то когда-то молился.

Я вошла и увидела луч солнца. Он пробивался через круглую дыру в куполе и падал прямо на фреску с архангелом. Пыль танцевала в свете — миллиарды крошечных частиц, которые никто никогда не заметит, если не смотреть специально.

Я достала «Лейку» — старую плёночную камеру, которую отец подарил перед уходом. Я не люблю её, но и выбросить не могу. Она весит почти килограмм, и к концу дня у меня немеет плечо. Но плёнка даёт тот цвет, который цифра никогда не повторит. Тот самый цвет, который пахнет временем.

Я сделала первый кадр. Потом второй. Третий — крупным планом, чтобы видеть трещины на лице святого. Я люблю трещины. В них есть честность. Штукатурка не притворяется целой, когда развалилась. Люди притворяются. Стены — нет.

На четвёртом кадре в объектив попал он.

Мужчина стоял на строительных лесах под самым куполом. Синяя рабочая роба, испачканная гипсом и золотой краской. В руке он держал тонкую кисть и выводил нимб над головой ангела. Я смотрела на него через видоискатель и не могла отвести взгляд. Не из-за внешности — он был выше меня, с широкими плечами и тёмными волосами, но дело не в этом. Он делал то, что я считала бессмысленным. Он возвращал жизнь тому, что уже умерло. Зачем тратить время на то, что всё равно рухнет? Я видела такие церкви в Сирии, в Ливане, в Грузии. Их восстанавливали, а через год они снова разваливались.

— Уберите камеру, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос низкий, спокойный. Я не убрала. Сделала ещё один кадр — его руку с кистью, золотую краску на пальцах.

— Я работаю, — ответила я. — Вашему ангелу нужна реклама. Скоро он рухнет на пол вместе со всей церковью.

Он опустил кисть и обернулся. Не полностью — так, чтобы я видела его профиль. Серые глаза, лёгкая небритость на скулах, тёмные волосы, чуть тронутые светом сверху. Во взгляде не было злости — только усталая усмешка. Я видела такой взгляд у людей, которые уже давно перестали удивляться тому, как устроен мир.

— Ангел не рухнет. Я его держу.

— Очевидно, плохо держите, — я кивнула на трещину, которая тянулась от плеча архангела к алтарю. — Церковь разваливается. Я тут, чтобы запечатлеть её агонию. Если ты не заметил, она скоро упадёт в море. Вместе с твоим нимбом.

Он молчал несколько секунд. Смотрел на меня, и я не могла понять, о чём он думает. Может, злится. Может, просто решает, стоит ли отвечать.

— Пятьсот лет, — сказал он наконец. — Этой церкви пятьсот лет. Она пережила войны, землетрясения и толпы туристов. И она переживёт тебя. Ты здесь на неделю? На две? Потом уедешь, и тебе будет всё равно, что с ней станет.

Он спустился с лесов. Доски скрипели под его ногами, и я слышала, как ветер с моря шевелит мои волосы — они у меня тёмные, вьющиеся и вечно лезут в глаза. Я убрала их привычным жестом. Он подошёл ближе, чем я обычно позволяю незнакомцам. От него пахло скипидаром и деревом, и ещё чем-то — то ли старыми книгами, то ли дождём, который скоро придёт с моря. Я заметила, что он выше меня на целую голову.

— Ты снимаешь в режиме «сюжет», — он взял мою камеру, и я не успела возразить. — На автофокусе. Фотограф войны, а снимаешь как туристка. Всё размыто, всё плоско.

Он говорил без злости, но каждое слово звучало как диагноз. Я задохнулась от возмущения. В Сирии один полевой командир пытался отобрать у меня флешку — и то было менее нагло. Я протянула руку, чтобы вернуть камеру, но он не отдал.

— Посмотри, — он повернул камеру экраном ко мне. — Что ты здесь видишь?

Я посмотрела. Снимок, который я сделала минуту назад. Фреска, луч, пыль в воздухе. Обычный кадр.

— Ну?

— Я вижу свет, — сказала я, хотя не была уверена.

— Ты видишь дырку в крыше. Свет — это то, что падает на фреску. А не то, что пробивает потолок. Ты снимаешь аварию, а не момент. Приходи завтра в пять утра. Я буду снимать плёнку с купола. Вставай с той стороны, где восход. И убери автофокус. Тогда увидишь не то, что сломано, а то, что ещё работает.

Он вернул мне камеру и ушёл в ризницу, даже не представившись. Я осталась стоять в луче солнца, который бил из дыры в небе. Пыль кружилась в воздухе, и я смотрела, как она танцует в свете. Мне было обидно. И странно. Обычно я не позволяю незнакомцам трогать мою технику. И уж точно не позволяю им учить меня, как работать.

Но он был прав. Я знала это. Кадр был плоскостным. Я сняла то, что видела, а не то, что чувствовала. И он заметил это за две секунды.

Я вышла из церкви и пошла к морю. Села на камень, смотрела на волны и думала о том, что сказал этот мужчина. Его голос звучал у меня в голове: «Ты снимаешь аварию, а не момент». Что он имел в виду? Что он видит в этой церкви то, чего не вижу я? Или он просто хотел меня задеть?

Я не знала. Но я знала, что вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.